

Вершительница судеб Европы

Личная роль Елизаветы Петровны в решении государственных дел особенно заметна в сфере внешней политики, во многом зависевшей от взглядов, убеждений и симпатий монарха. В момент воцарения Елизаветы шла война, которую Швеция начала против России под видом оказания помощи дочери Петра Великого. Но со стороны шведов это был лишь предлог для агрессии, целью которой являлся пересмотр условий Ништадтского мира 1721 года. Главнокомандующий шведской армии К.Э. Левенгаупт согласился на предложенное Елизаветой Петровной перемирие, но заявил, что «не видит возможности заключить мир без предварительной уступки Россией всего, что она имеет на Балтийском море». Это условие для Елизаветы было заведомо неприемлемым. Шетарди, взявший на себя посредничество в русско-шведских переговорах, напрасно убеждал императрицу «из благодарности» Швеции удовлетворить ее требования. Елизавета отвечала: «Что скажет русский народ, увидя, что иностранная принцесса (Анна Леопольдовна. – В.Н.), мало заботившаяся о пользах России и сделавшаяся случайно правительницею, предпочла, однако, войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра для прекращения той же самой войны соглашается на условия, противные столько же благу России, сколько славе ее отца». Когда переговоры окончательно зашли в тупик, военные действия были продолжены и завершились разгромом Швеции, которая по условиям Абоского мира в августе 1743 года уступила России часть Финляндии.

В начале царствования Елизаветы Петровны остро стоял вопрос о выборе внешнеполитической ориентации страны. В это время почти вся Европа была охвачена войной за «австрийское наследство», в которой причудливо переплелись династические интересы и взаимные территориальные претензии ведущих держав. Австрийская и венгеро-богемская королева Мария Терезия отстаивала целостность своих владений и права на германский императорский титул в борьбе с Пруссией, Францией, Баварией и Испанией и в союзе с Англией и Голландией. Каждая из воюющих сторон стремилась привлечь на свою сторону Россию, но Австрия и Англия, дружественные свергнутому правительству Анны Леопольдовны, имели меньше шансов встретить поддержку Елизаветы Петровны, которая публично выражала свою антипатию к обеим державам. В апреле 1742 года она в присутствии иностранных дипломатов заявила, что не нуждается в расположении «нищей королевы» Марии Терезии, а в октябре того же года сказала, что не выносит звука английского имени и все английское «будет ей всегда противно». Но охлаждение русско-французских отношений в связи с вопросом о войне со Швецией заставило Елизавету согласиться на заключение в декабре 1742 года оборонительного договора с Англией. В то же время попытка английской дипломатии обеспечить сближение России с Австрией встретила отказ российской императрицы. Десятого декабря 1742 года она выслушала письмо английского посла с предложением включить в союзный трактат статью о дружбе обоих дворов с Марией Терезией и распорядилась «написать оной артикул по-прежнему и без прибавки о королеве Венгерской».

Одновременно велись переговоры о союзе с Пруссией, которая в июне 1742 года вышла из войны, отняв у Австрии Силезию. В 1743 году Елизавета Петровна и прусский король Фридрих II обменялись высшими орденами своих государств. Но благоприятные отношения с Пруссией и неприязнь к Австрии не заставили императрицу поступиться понятиями справедливости. При заключении русско-прусского союза в марте 1743 года Елизавета Петровна отказалась гарантировать Пруссии присоединение Силезии.

В январе 1744 года императрица подписала трактат «о возобновлении постановленного в 1733 году оборонительного союза» с польским королем Августом III, являвшимся одновременно курфюрстом Саксонии. Между тем события в Европе еще более усложнились. Фридрих II под предлогом защиты германского императора и баварского курфюрста Карла VII в августе 1744 года ввел войска в Саксонию и Богемию, а в конце того же года был заключен договор Австрии, Саксонии, Англии и Голландии с целью общими силами отразить новый натиск Пруссии. Накануне этого события 14 декабря 1744 года Елизавета Петровна распорядилась привести в боевую готовность иррегулярные войска «ввиду распространяющегося в Европе военного пламени и сильного вооружения соседних держав». Эти войска, преимущественно казаки и калмыки, вызывали страх у Фридриха II, который подробно расспрашивал о них российского дипломата И.Л. Любераса.

Пруссия и Саксония официально не были в состоянии войны, что избавляло Россию от необходимости следовать союзническим обязательствам. Елизавета Петровна в то время предпочитала сохранять нейтралитет и соглашалась лишь на посредничество России в «умирении Европы». Но дальнейшие события заставили императрицу твердо определить свою внешнеполитическую позицию. В августе 1745 года Пруссия объявила войну Саксонии, и Россия оказалась в состоянии союза с враждующими державами. Фридрих II и Август III обратились к российской императрице за помощью друг против друга.

Девятнадцатого сентября 1745 года Елизавета Петровна созвала «конференцию» для обсуждения вопроса: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, долее в усиление приходить допускать?» На другой день участники совещания представили императрице письменные мнения, в которых единодушно высказывались против Пруссии. Третьего октября того же года на очередной «конференции» мнения были зачитаны наряду с письмом прусского посла, в котором содержалась очередная просьба о военной помощи на основании союзного договора. Выслушав доклады, Елизавета заявила, что «случай союза здесь признан быть не может», поскольку Фридрих II является нарушителем мира. Поэтому «справедливее подать помощь Саксонии. Сверх того, для русских интересов усиление прусского короля не только не полезно, но и опасно». Императрица распорядилась двинуть войска в Курляндию и объявить Пруссии, что в случае продолжения агрессии она будет остановлена силой русского оружия. Подписав соответствующую декларацию, Елизавета Петровна «стала на колени перед образом, призывая Бога в свидетели, что поступает по совести и справедливо». Решение императрицы определило российскую внешнюю политику более

чем на пятнадцать лет вперед. Отныне доминирующим ее направлением стало дипломатическое и военное противостояние Пруссии.

Неблагоприятные погодные условия не позволили русским войскам вмешаться в германский конфликт, но декларация Елизаветы Петровны ускорила заключение мира Пруссии с Австрией и Саксонией. Внешнеполитическая ориентация России окончательно определилась при подписании в мае 1746 года русско-австрийского союзного трактата. Договор двух императорских дворов содержал положение о том, что в случае нового нападения Фридриха II на Австрию Россия поможет ей силой своего оружия вернуть Силезию. С этого времени между Елизаветой Петровной и Марией Терезией установилась дружба, подкрепляемая неприязнью к прусскому королю, который сочинял эпиграммы на обеих императриц и позволял себе неприличные шутки в их адрес.

После вторичного выхода Пруссии из войны за «австрийское наследство» она продолжалась между Австрией, Англией и Голландией с одной стороны, и Францией и Испанией с другой. Противники австрийского дома одерживали верх, и Англия обратилась за помощью к Елизавете Петровне. В ноябре 1747 года была подписана так называемая «субсидная конвенция» между Россией, Англией и Голландией о предоставлении в распоряжение «морских держав» за большую сумму денег тридцатитысячного корпуса русских войск. Прибытие его на Рейн в следующем году привело к заключению европейского мира. Россия положила конец восьмилетней войне, не обнажив оружия.

Однако мир оказался недолгим. В 1756 году началась Семилетняя война, в которую была втянута и Россия, выступившая на защиту Австрии против Пруссии. Этот шаг в немалой степени предопределялся отношением Елизаветы Петровны к Фридриху II. В июле 1756 года английский дипломат Ч.Г. Уильямс писал: «Личная неприязнь императрицы к прусскому королю так мало ею скрывается, что вспыхивает каждую минуту». Свою ненависть к нему Елизавета мотивировала тем, что, «во-первых, он не имеет религии, во-вторых, не живет с женой и, в-третьих, не был коронован». Но более всего ее раздражали «захватнический нрав», вероломство и решительность Фридриха, которого она называла «скоропостижным королем». Он, в свою очередь, усиливал ненависть российской императрицы нежеланием сдерживать присущее ему циничное остроумие. Современник передает рассказ о том, что по поводу войны с Австрией, Францией и Россией «король Прусский имел неосторожность выразиться, что имеет дело с тремя женщинами: императрицей-королевой (австрийской. – В.Н.), императрицей Российской и госпожою Помпадур. Елизавета, затаивши в душе желание мести за такую неприличную шутку, решила энергически вести войну».

Трудно с уверенностью сказать, являлось ли вступление России в Семилетнюю войну политической ошибкой. Перед страной в то время стояли две альтернативные задачи: укрепление и расширение позиций на берегах Балтийского моря в борьбе с Пруссией или решение «польского вопроса» (присоединение Правобережной Украины и Белоруссии), возможное лишь в условиях русско-прусского союза. Елизавета Петровна пошла по первому

пути, а ее преемники предпочли второй. В ходе Семилетней войны русские войска заняли Восточную Пруссию, жители которой присягнули на верность российской императрице. Вероятно, подрыв мощи Прусского королевства мог изменить ход истории, но рассуждения о несостоявшихся событиях малопродуктивны. Самой же России шесть лет тяжелой войны стоили огромных жертв, а каких-либо ощутимых выгод она не получила, поскольку наследник престола Петр Федорович после своего воцарения вернул Фридриху II все завоеванные русскими войсками территории. И все же война не была бесполезной: победы русского оружия над лучшей армией Европы укрепили международный престиж России и стали залогом ее будущих внешнеполитических успехов.